

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

110-летие
П.Я. Гальперина

Научное наследие
А.Р. Лурия

Мои Учителя и Заслуженные собеседники

В.П. Зинченко

*(из коллективной монографии «Стиль мышления:
проблема исторического единства научного знания»)*

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток ...*

(А.С. Пушкин)

... Петр Яковлевич Гальперин — выдающийся психолог, пришедший в психологию из медицины в начале 1930-х годов. Общеизвестно, что он принадлежал к Харьковской, затем к Московской школе психологов, созданной А. Н. Леонтьевым и получившей наименование деятельностного подхода в психологии, или психологической теории деятельности. Он не был, как его ближайшие друзья и коллеги Л.И. Божович, А.В. Запорожец и др., непосредственным учеником Л.С. Выготского или, как А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, коллегой и соратником Л.С. Выготского по созданию культурно-исторической психологии. Он, как и мой отец, П.И. Зинченко, встретился с А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, А.В. Запорожцем уже в харьковский период их научной деятельности.

С участниками этой школы была связана его дальнейшая судьба и научная биография, которая, к сожалению, еще не написана. Я не могу претендовать на ее описание, так как не являюсь его непосредственным учеником, хотя и считаю его своим учителем. Моя задача значительно скромнее. Мне хотелось бы в этих заметках вспомнить о его уникальной роли в школе А. Н. Леонтьева, которую я не вполне законно рассматриваю как единое целое. Незаконно, потому что П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин в рамках психологической теории деятельности (или за ее пределами?) являются создателями своих собственных направлений в психологии и собственных научных школ. И эти последние, например, в сознании наших западных коллег далеко не всегда иден-

Владимир Петрович Зинченко – доктор психологических наук, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики», действительный член РАО, почетный член Американской академии искусств и наук, автор более 500 научных работ.

тифицируются с психологической теорией деятельности, рассматриваются как вполне самостоятельные или имеющие корни в культурно-исторической психологии. Наиболее очевидными примерами такой оценки являются школы П.Я. Гальперина и А.Р. Лурия. Но независимо от этого вся их жизнь и судьба были общими на протяжении многих десятилетий. Они всегда, включая военные годы (кроме фронтовиков П.И. Зинченко и Д. Б. Эльконина), были вместе. Их судьба была счастливой. Никто из них не был репрессирован. Им всем в той или иной мере удалось реализовать свои замыслы, во всяком случае, по нынешним, да и по любым меркам они многое сделали в психологии.

При значительных различиях созданных ими научных направлений они вполне ситуативно, но добровольно приняли некий персональный культурный психологический код, а именно: школа Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А. Р. Лурия, хотя они все, разумеется, понимали, что под этим кодом скрыты как минимум две научных парадигмы: культурно-историческая психология и психология деятельности. И каждый из них последовательно или параллельно работал в обеих. У меня есть подозрение, что именно разнообразие их талантов и интересов плюс недюжинные дипломатические и организационные способности А.Н. Леонтьева цементировали этот сложно организованный научный организм, придавали ему устойчивость, начиная с Харькова и кончая первым десятилетием (до 1979 года — года кончины А.Н. Леонтьева) существования факультета психологии Московского университета. Не только цементировали, но и привлекали к нему новых сотрудников.

Школа потому и школа, что в ней не было рядовых учеников. Роли в этом коллективе были различными. Признанным лидером был А.Н. Леонтьев, советью — А.В. Запорожец, гением А.Р. Лурия, мужественным научным темпераментом, щедро разбрасывающим свои идеи, — Д.Б. Эльконин. Учителем же всегда был П.Я. Гальперин. Конечно, они все были прежде всего личностями, учеными, я отмечаю лишь доминирующие личностные черты.

Петр Яковлевич был не самой сильной личностью среди них, но был признанным Учителем. Л.И. Божович, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконин и

др., когда им удавалось задумать или сделать нечто, на их взгляд, существенное и интересное, говорили, что нужно пойти посоветоваться с Учителем. К нему ходили и следующие поколения (называвшие его ласковым именем Гальпетя), в том числе и мое. Ходил и я. Едва ли нужно говорить, что Петр Яковлевич далеко не всегда одобрял услышанное. Слушал он замечательно. Когда я после его порой жестокой, но доброжелательной и иронично выраженной критики обескураженный приходил к своему непосредственному учителю А.В. Запорожцу, он с улыбкой меня утешал, говоря, что ему тоже нечасто приходится слышать комплименты от Петра Яковлевича. Нужно думать! Зря Петр Яковлевич не скажет. А.Р. Лурия был слишком продуктивен и динамичен, чтобы советоваться с кем-либо. Да и Петра Яковлевича раздражала его продуктивность. Он говорил, что Александр Романович пишет быстрее, чем я читаю. Это не было большим преувеличением. Помню, что когда А.Н. Леонтьев в конце 1960-х годов организовал (дома у А.Р. Лурия) серию семинаров с докладами о психологической теории деятельности, то семинары кончились после доклада Петра Яковлевича. Докладчик указал на болевые точки теории, показывая это на примере экспериментальных исследований самого А.Н. Леонтьева. Самолюбие лидера было уязвлено. Потом Петр Яковлевич говорил мне, что он зря это сделал, так как А.Н. Леонтьев довольно долго таил обиду.

Коллеги и друзья Петра Яковлевича полусерьезно говорили, что у него «слабая нервная клетка». Но это не мешало ему быть беспощадным к научной легковесности и безвкусице. Приходилось наблюдать, как он на научном заседании прятал голову, когда с неудачным докладом выступал кто-то из его учеников или сотрудников. Конечно, критика, ирония, иногда юмор адресовались Петром Яковлевичем и ученым, представлявшим другие направления. Помню его очень жесткое публичное высказывание в адрес А.А. Смирнова. Хотя оно не было вовсе бесосновательным, но его форма возмутила присутствовавших. К чести А.А. Смирнова, это не повлияло на его в высшей степени уважительное отношение к П.Я. Гальперину.

Петр Яковлевич, возможно, благодаря «слабой нервной клетке», возможно,

в силу свойств своего характера всегда сторонился начальства, избегал руководящих постов. Когда же его самого, как врача по образованию, назначили главным врачом госпиталя (под Свердловском), где работали психологи над восстановлением движений рук после ранения, он скрывался в лесу во время наездов различных проверяющих комиссий. За него отдувались сотрудники, впрочем, не очень на него обижаясь. Они ведь были психологами и достаточно хорошо его знали и любили.

После войны П.Я. Гальперин всю дальнейшую жизнь работал в МГУ. Он последним из всей блестящей плеяды школы Л.С. Выготского стал доктором наук и профессором. Его долго уговаривали, стыдили, корили друзья и ученики. Но они не могли избавить Петра Яковлевича от унижительной для его возраста процедуры защиты. Правда, после защиты (не на ней) он был доволен. П.Я. Гальперин никогда не пытался претендовать на членство в Академии педагогических наук, здесь уговоры не помогали. Но все же ему еще раз пришлось занять руководящую должность. По настоянию декана А.Н. Леонтьева он возглавил кафедру детской психологии. А.В. Запорожец, детский психолог милостью Божьей, очень смеялся по этому поводу, говоря, что только у нас возможно, чтобы человек, убежденный в том, что детской психологии не существует, стал заведующим кафедрой детской психологии.

Несколько слов о Петре Яковлевиче как о педагоге. Мое поколение студентов (1948—1953) было счастливым. Тогда по имени читающего курс общей психологии назывались чередующиеся поколения А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна (потом А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия). Мы были леонтьевским, а по существу, леонтьевско-гальперинским поколением. А.Н. Леонтьев два года читал курс общей психологии. И два года П.Я. Гальперин вел за ним семинары. Это было про то же, но совершенно иначе. Не помню, был ли Петр Яковлевич на всех лекциях А.Н. Леонтьева, на некоторых бывал. Иногда мы думали, что профессору Леонтьеву не мешало бы посетить некоторые семинары доцента Гальперина. Как теперь принято говорить, плюрализм и диалог нам были обеспечены. Мы видели,

что они по-разному относятся к некоторым проблемам. Какие-то Петр Яковлевич углублял, какие-то решал, против некоторых предупреждал, говоря, что семи пядей во лбу не хватит для их решения. От него мы слышали вполне объективные оценки так называемой буржуазной психологии. Он вполне доброжелательно рассказывал о психоанализе, о З. Фрейде и К. Юнге, как психоневролог по образованию, анализировал свои сновидения, архетипы национального сознания, в том числе и своего отца — правоверного еврея (не надо забывать, что это был конец 1940-х годов), часто обращался к психопатологии обыденной жизни. Вспоминается его замечательное определение действия алкоголя на человека, которое состоит в послонном снятии нравственных норм. Уверен, что многие из нас кое-что заимствовали из стиля его преподавания и общения.

Потом П.Я. Гальперин читал нам годовой курс истории психологии. Готовясь к нему, он прослушал такой же курс у Б. М. Теплова и не скрывал от нас, что многому у него научился. Нам он преподносил историю психологии как драму идей и драму людей. Нельзя забыть и спецкурс «Марксизм и вопросы языкознания», который его вынудили читать, а нас — слушать после известного сталинского «труда» на эту тему. В этом курсе он ходил по лезвию бритвы. Он, разумеется, не позволял себе выпадов против «корифея», но и воздерживался от демагогии, от идеологических шаблонов, перевел спецкурс в спокойное русло проблемы мышления и языка.

К сожалению, П. Я. Гальперин никогда не читал курс общей психологии психологам. Зато он не одно десятилетие читал этот курс философам, многие поколения которых вспоминают о нем с благодарностью и любовью.

Вспоминая лекции П. Я. Гальперина, беседы с ним, перечитывая и вчитываясь в собранные и изданные, наконец, труды, видишь как он медленно, но верно приближался к пониманию «чуда мышления» (выражение А. Эйнштейна). Такое понимание, видимо, составляло главную цель его исканий, а может быть и жизни. По складу своего характера он был рационален, не почувствовал спонтан-

ности, страшился стихии. Ее вокруг него хватало с избытком.

П.Я. Гальперина мало устраивали простые решения и его собственная мысль постоянно вырывалась за пределы наблюдаемых этапов формирования умственных действий, за пределы типов ориентировки в сферы идеального, в сферы «чистой», свободной от предметного действия (и от социальных обстоятельств) мысли. Позиция строгого исследователя не могла сдерживать спонтанных, свободных интеллектуальных порывов, которые, к счастью, превращались в тексты. Ведь Гальперин определял мышление как деятельность, «чтобы узнать». И для этого он переставал ориентироваться на экспериментальные результаты и обращался к глубинам собственного духа, «чтобы найти». «Чтобы узнать» соответствует поэтическому: «И сладок нам лишь узнаванья миг» (О. Мандельштам). П.Я. Гальперин не мог отказать себе в «выпуклой радости узнаванья». Опыт-знание и опыт-позиция, хотя порой и вступали в противоречия, но в конце концов прекрасно дополняли друг друга.

Вклад в психологию Петра Яковлевича Гальперина разнообразен и многопланов. Для психологов многих поколений — это прежде всего личностный вклад в качестве учителя, собеседника, советчика. Он делился с нами своим живым знанием. Его дисциплинированный, строгий ум был окутан душевной, часто ироничной аурой. Она распространялась не только на содержание знаний, излагавшихся им, но и на слушателей, собеседников, на самого себя. Иногда внешняя форма бывала обманчивой, внутри нее оказывались достаточно жесткие оценки. С ним нужно было быть внимательным и осторожным, вслушиваться не только в текст, но и в подтекст. Внешне это могло звучать вполне безобидно и даже мило, например: «Когда-то в простоте душевной К. Н. Корнилов говорил, что психическая деятельность есть отражение мозговой деятельности». Что же она есть на самом деле? Вот главный вопрос (но, не ответ!) данной статьи.

П.Я. Гальперин был не только Учитель, но и Ученый. Эти две ипостаси отличались одна от другой. Различия можно выразить его же словами. Изучая роль установки в мышлении (1940), он пред-

ложил различать две формы, в которых существует опыт: как знания о чем-то и как позиция, с которой мы рассматриваем окружающее. Обе формы опыта у П.Я. Гальперина не только не совпадали, что часто бывает, но порой его обширные знания учителя, лектора противоречили его позиции исследователя, экспериментатора. Об этом, а так же тесной связи и участии П.Я. Гальперина в развитии идей Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, о сотрудничестве и дружбе с Л.И. Божович, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко, А.Р. Лурия, Д.Б. Элькониним, которые, как и П.Я. Гальперин, создали свои научные школы достаточно полемических страниц написано в коллективной монографии «Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания» (под общей редакцией Т.Г. Щедриной), вышедшей в 2011 году к 80-летию Владимира Петровича Зинченко.

В каждом из текстов раздела «Мои Учителя и Задуманные собеседники» этой книги В.П. Зинченко ведет своеобразный внутренний диалог «сквозь время» с философами начала XX века, коллегами, учениками, в котором раскрываются исторические реалии становления и развития отечественной психологической школы и психологической науки.

От редакции

О тесной связи и участии П.Я. Гальперина в развитии идей Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, о сотрудничестве и дружбе с Л.И. Божович, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко, А.Р. Лурия, Д.Б. Элькониним, которые, как и П.Я. Гальперин, создали свои научные школы достаточно полемических страниц написано в коллективной монографии «Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания» (под общей редакцией Т.Г. Щедриной), вышедшей в 2011 году к 80-летию Владимира Петровича Зинченко. В каждом из текстов раздела «Мои Учителя и Задуманные собеседники» этой книги В.П. Зинченко ведет своеобразный внутренний диалог «сквозь время» с философами начала XX века, коллегами, учениками, в котором раскрываются исторические реалии становления и развития отечественной психологической школы и психологической науки.